

Поплавский Борис
(100-летний добивает
сегодня рожд.)

12.10.03

Новая газ. - 2003 - Окт. - с. 21.

МЕЖДУ НИЦШЕ И ЭДГАРОМ ПО

100 лет назад родился Борис Поплавский

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения Бориса Поплавского (1903—1935), одного из крупнейших писателей русского зарубежья.

Главные сочинения написаны им в период эмиграции в Париже. В литературной Мекке второй половины XIX — начала XX века поэт жил полуголодным изгоем до трагической гибели. Его творческое наследие еще не исследовано в полном объеме, но сборники стихотворений, два романа, а также дневники и письма, увидевшие свет за последнее десятилетие прошлого века, уже вошли в золотой фонд русской литературы...

Я не участвую, не
существую в мире,
Живу в кафе, как
пьяницы живут.

Борис Поплавский — поэт по рождению, по устройству души. Все, что он задумывал, просчитывал, решал, выходило иначе, совершенно необъяснимо ни для него, ни для нас, читателей.

Поплавский, как всякий перфекционист, безжалостно отбрасывал то, что не вышло, оставшись, без преувеличения, шедеврами мистической, надмирной лирики: апокалиптические картины, написанные рукой аскета и порочного мечтателя:

Видел я, как в таинственной
позе любитесь агом
Путешественник-ангел
в измятом костюме весны...

В двух своих романах из запланированной трилогии Поплавский первым из русских писателей использовал нововведения Эдгара По, Лотреамона, Джойса, оказавшие мощнейшее влияние на развитие западной и мировой литературы.

«Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» не являются романами в классическом понимании, предполагающими некую дискретность между внутренним и внешним, субъективным и объективным. Они образуют единую ткань огромного стихотворения в прозе.

Проза Поплавского сюрреалистична. В ней, как и в его поэзии, слиты воедино миф и реальность, легендарная реальность эмигрантского Парижа двадцатых-тридцатых годов, «русского Монпарнаса»:

Миры прошли над этим местом. Миры пролетели со страшным шумом своей огненной музыки, но что запомнило это место, где столько местных гамлетов, навек расставшихся со своей ненаглядной, с облегчением закуривали уже папиросу у самой стеклянной парадной? Ничего: улица как улица, по которой, медленно взмахивая равными крыльями, пролетает вечерашняя газета, и все было, было, и ничего не запомнило мертвое место — стык четырех углов и тысячи судеб... (Из романа «Домой с небес»).

Существует множество противоречивых отзывов о личности Бориса Поплавского, но образ

писателя-мистика так и остается неясным.

Адамович пишет: «В каждую минуту он был абсолютно искренен, но остановиться ни на чем не мог».

А вот жесткое мнение Нины Берберовой: «Я впервые увидела глаза Поплавского на фотографии в юбилейном сборнике газеты «Последние новости», изданном в 1930 году: ...в жизни он никогда не снимал черных очков, так что взгляда у него не было. В нем была «божественная невнятица», чудесная образность видимого и слышимого, но какая-то необъяснимая жалость всегда вырастала во мне, когда я говорила с ним: человек без взгляда, человек без жеста, человек без голоса».

Издательство «Согласие» в 1999 г. выпустило сборник автоматических стихов Поплавского.

Автоматическое письмо Андре Бретон объясняет как запись образов, возникающих спонтанно, без участия разума.

Еще никто не знает
Еще рано

Сладко спят грядущие дни
Положив огромные головы
На большие красивые руки
Звезды зовут их
Но они не слышат
Далеко внизу загорается газ
Дождик прошел,

блестит мостовая
Христос в бутинках
едет в трамвае

Служителям муз начала XX века было свойственно примерять разные маски, участвовать в мистификациях и розыгрышах.

Ходасевич в «Некрополе», в первой его новелле о Нине Петровской, «Конеч Ренаты», отмечает: «Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел

бы слить жизнь и творчество воедино. Мы знаем теперь (1928 г.), что гений не явился, формула не была открыта».

Особой формулы слияния жизни и творчества, о которой говорит Ходасевич, не существует. Не открывал ее и Поплавский. Но у него было редкое для литератора качество: он был искренен в каждом слове и в каждом поступке, оставаясь творцом магических образов. Его поэтика имеет мощную силу воздействия потому, что она не сырана, а пропущена Поплавским через свою жизнь, через свой духовный опыт.

Как сладостно
шутить

перед концом
Об этом знает
первый

и последний.
Ведь исчезает
человек

бесследней,

Чем лицедей
с божественным лицом...

Слово вещественно, оно не миф. И Поплавский отдавал себе отчет в том, что послания к смерти, присутствующие почти в каждом его стихотворении, могут получить отклик.

Так и случилось. Он умер не старым, в почете и славе, свеча его недолго горела на столе. Воск оплыл на рассвете, когда Поплавскому было тридцать два.

Стихотворение «Венок из воска» появилось впервые во «Флагах». Позднее поэт целый сборник стихотворений называет так. И в последнем романе «Домой с небес», написанном за год до гибели, одно из центральных мест занимает этот таинственный мрачный образ:

«Грусть его забитого детства просыпалась в нем, давняя его любовь к ночникам, чуланам, сортирам, кухне, прислуге, задним дворам, улицам, вечеру, снегу того времени, когда он в венке из воска отказывался жить».

Поплавский не ставил перед собой сверхзадач. Он просто самовыражался так, как это было ему дано свыше.

Его демонизм (приросшая маска) происходит главным образом от глубоко прочувствованных и некритически воспринятых статей Ницше, стихотворений Рембо и новелл Эдгара По.

Отсюда постоянные колебания Поплавского между образом сверхчеловека и смиренного грешника, принимающего и любящего себя, даже в самой жалкой из ипостасей, и весь мир, даже враждебный и отвергающий.

Все оттенки синего — от морских волн до апрельского неба образуют inmost light (внутренний свет) Бориса Поплавского. Это свет улыбающейся меланхолии. После смерти поэта лучи рассеялись где-то в небесах. Сегодня они вернулись домой с небес.

● Александр ВОЛЬСКИЙ